

Общее политическое положение.

1 ИЮНЯ 1925 ГОДА

Скоро семь лет, как закончилась мировая война. Еще слыды ее не стерты с полей сражений; еще живы миллионы искалеченных ею людей. Но международная жизнь находится в переломном движении; в соотношении международных сил уже не то, что было семь лет назад. Обединившая больше полумира коалиция, созданная в Версале Лигу Наций и никогда привлекавшая в нее почти не оставшая страна, уже давно не существует. Какое единое целое, — если и сохраняется еще — и то без Соединенных Штатов! — известную формальную связь. Державы снова пристально следят друг за другом, снова оживают представления о необходимости политического равновесия.

Но между положениями накануне мировой войны и сегодняшним миром есть существенная психологическая разница. Огромный запас взрывчатых веществ, накопившийся за долгие десятилетия без войны, выгорел почти без остатка за 1914 — 1918 годы. Земля ушла в кровавую. Поколение, пережившее мировую войну, в массе уже не способно на второе подобное напряжение. Если бы в международном положении было еще неизмеримо больше поводов для столкновений, чем имеется налицо, да не только поводов, серьезнейших причин, — все равно, на пепелищах мировой войны не зажег второго подобного пожара. Если войны и возможны, — то какого то другого типа: не массовая, во всяком случае.

Но это «миролюбие» — есть только панический беспамятство. Вся кризисы в современной жизни склонны принимать хронический, затяжной характер. Это не значит, что созданное в итоге войны положение абсолютно прочно. Нет, оно может меняться, — и уже во многом изменилось. Политическая борьба, разумеется, продолжается. Но в современной шахматной игре не будет мнимых фигур: станут стремиться дельта мать, не взяв ни одной фигуры; будут ставить перед фактом: или же отступить; национальные цели отбрасывать или будут достигнуты без прямого применения оружия — или будут оставаться в области мечтаний!

В подобном роде борьбы национальная сплоченность, выдержка и правильная политическая глазомер могут получить больше значения, чем фактическое состояние армии и флота, чем число и калибр орудий, или водометические арсеналы. До их применения дойдет не скоро, — если вообще дойдет! А в международной политической «маневренной» борьбе степень реальной вооруженности каждой страны, — тоже только психологический фактор, действующий наряду с другими. Между победителями и побежденными в мировой войне начинается установление — хотя бы временный — примемлемый для обеих сторон, modus vivendi. В вопросе о «возмещениях», или «репарациях», провозгласившая жизнь известный план Дауса, сходящийся германскую контрибуцию с почвой «железнодорожного» (для победителей) на почву достижимого. Сейчас на очереди вопрос о «гарантиях»: здесь немец-

как мало успокаивает их вечноссотрудничество с «фашистами» и как их волнует каждое проявление идущего в мир свига врага. Большевики думают найти для себя исход стайкой на «азиатцев», африканцев». Для этого им существенно углубить психологическую рознь между русскими и восточно-европейцами. Нужна в этой области с русской стороны большая зоркость и осторожность! Возможность содействия красной опасности с желтой («черная» пока не реальна) — несомненно, стоит перед всеми народами белой расы и христианской культуры бы традиции. Но, пока что, эта опасность отдаленная! Конечно, развитие событий сейчас медленно, туго; иногда кажется, что все стоит на месте. Но, сравнивая июнь 1925 года, скажем, с июнем 1920 года, можно сказать: большевики, во всяком случае, несравненно дальше от своей конечной цели, чем тогда. А если так...

С. С. Ольденбург

СРЕДИ ГАЗЕТЬ И ЖУРНАЛОВЪ

Сообщая в письмах в редакцию «Русской Газеты» о приостановлении по финансовым обстоятельствам выхода газеты «Вечернее Время» Б. А. Суворин, между прочим, упоминает о «сумбурном объявлении», посвященном «либерально-консервативному» органу.

«который должен всех объединить от стариков, пишавших Штурское «Освобождение», до молодежи, вращающейся в возрождение России, идущей по умирным тропинкам, которые проложит к нему новая газета Г. Гукосова».

Мы очень жалеем, что «Вечернее Время» приостановилось выходом. Мы не разделяли некоторых взглядов газеты и в общем не сочувствовали ей, но признаем ее преданность делу движения и в этом смысле считали себя единомышленниками.

Очень жаль, что Б. А. Суворин не уделит отделить своих личную дель, связанных с выпуском газеты от той позиции, которую он должен был бы как ответственный публицист, занять по отношению к нашему органу. Неужто, задача широкого объединения на национальной платформе заслуживает только злословства?

Къ чему замечанию, на который ничего нельзя «по существу» ответить за отсутствием всякого «существа» в них самих.

Начатая на страницах «Нового Времени» полемика между В. Х. Давлатов и И. Е. Марковым продолжается на страницах «Еженедельника Восточного Мирового Союзника», вызывая злободневную у врагов русского национального движения и глубокого огорчение у его друзей и участников. Весь спор является собой пример не только бесплодной, но и объективно вредной полемики, приводящей

Д. К. ПЕТРОВЪ

В Петроград скончался от воспаления мозга профессор всеобщей литературы, самый выдающийся русский специалист по испанской литературе, Дмитрий Константинович Петровъ. Ученики покойного на только уважали его за рядкое благородство, душевную чистоту и прямоту, но и глубоко любили его за удивительную сердечность, которую он заставлял скрывал под внешней суровостью и рвкостью.

Еще до недавнего времени покойный был здоров и неутомим. Скопчался он не стариком, но переживаемое Россией лихорадочное состояние ему глубоко душевное поранение. Покойный не мог видеть большевиками ни в каких его видах и формах. Нельзя не отметить, что он не мог внутренне примириться с тем, к чему превращались многие не понима-

МЫ И ОНИ

Мы — это эмиграция. Они — это Советская Россия. Эта антитеза стоит в сознании каждого из нас, но так ли она проста, как иногда кажется? Правда, самый голый факт отрыва от России сотен тысяч и миллионов культурно-квалифицированных русских людей есть тяжеловесный показатель огромности русской катастрофы и как таковой войдет в историю России, Европы, даже человечества. Но если останавливать внимание не на засыпавших «случившихся» фактах, хотя бы мирового значения, а на дилеммах живых процессах русской творимой истории, на бытии и становлении русско-душевного и духовного мира, то противопоставление эмиграции «вообще» и Советской России становится банальным, пустым, политически неинтересным. Вель эмиграция «вообще», — это и окончательно отвернувшись от России «эмигранты», и органически аполитические или сознательно отлучившие себя от политики «блуждающие», и всяких толков и направлений «соглашателей».

Политически осмысленным и национально значительным может быть противопоставление Советской России лишь той части эмиграции, которая держит политически существовать, и свое существование за рубежом ощущает не как личное устроение или несчастье, а как русское национальное — патриотическое действие. Такие «национально-эмигранты» обладают скорбной монополией свободно раскрывать и открыто исповедовать свое национальное мировоззрение. В современной России это вещь недоступная: Россия еще обречена на молчание. Остальная эмиграция в лучшем случае сама лишает себя голоса, обращаясь в безнациональных блуждающих, уныло или беззаботно, — в зависимости от темперамента, — обывающих чужие пороги и мостовыя и забывших или даже уже не способных понять, что их в зарубежном их существовании есть элемент гражданского подвига, что их высветская жизнь есть выполнение национального долга. И потому, — поскольку существует в истории России и даже всего современного мира, как огромная актуально — политическая проблема, проблема взаимоотношений эмиграции и России — дело идет о национально-эмигрантах и только о них.

Весь политический смысл так называемой эмиграции исчерпывается проблемой именно этого взаимоотношения. Как же должен относиться национально-эмигрант к Советской России? Казалось бы никакого однозначного ответа быть не может, ибо «они» еще больше общия скобки, чем «мы». Вель, «они» это и активный коммунист, и вахмистр Буденный, и вдовитый в красную армию старый боевой офицер, с затравленной до состояния духовного анабиоза городской интеллигент, и лукаво отмахивающийся мужик, и замкнувшийся горячий пламенем вены старец, и озорной пакостный комсомолец и т. д. Нет и не может быть общей формулы отношения к Советской России, ибо фальшиво и безразлично самое словосочетание «Советская Россия». Есть Россия. Некогда была в это наци-

ональ — эмигранта. Россия внешне повержена, Россия внутренне пала, но она есть; в действительном болзненном, мучительном процессе она высвобождается из под гнета окутанного ее зла и готовится выйти вновь на широкую историческую дорогу. Мы любовно всматриваемся в восточная дали, жадно ловим и тщательно отмечаем все признаки и симптомы духовного отрезвления и материального обновления. Над Россией висит зло, разрушая ее тело, разбивая ее душу, борясь с началами духовного ее возрождения. Это зло точкой своего приложения имеет советскую, коммунистическую власть, идущую силой зла мы ненавидим каждой частичкой нашего духа.

Безмыслен и безразличен вопрос: как относятся национально-эмигранты к Советской России? Целая гамма чувств и душевных движений нас буряет. Мы можем почтительно и даже благоговейно склонять головы перед теми, кто в условиях советского расстрелянного сумбала сберечь свой нравственный облик, жертвенно работая над обереганием и развитием национальных духовных и материальных ценностей. Мы можем презирать тех, кто по соображениям личным хамски отдался прислуживанию советской власти. Мы можем скорбеть, глядя на то, как под постоянным давлением советской обывательской интеллигенции частью утрачивается самое различие добра и зла. Мы можем остро ненавидеть активных деятелей коммунизма... Потребуйте снять или даже сгладить эти острые углы — вы обратитесь лишь к травоядному аполитизму, к безразличию, к бессилию, к бесплодности.

И все же есть общая формула отношения нашего ко всему, что движется в скобки «Советская Россия»: формула, диктуемая не чувствами, законными в их множественности, а высшим патриотическим долгом, заставляющим все чувства умикнуть перед заветным в душевном огне, но холемым и тремлем национально-политическим расчетом.

Наша задача, невыразимо трагическая в своей обожженной припадочности, — обрести Россию, как национальное государство. Наше право на этом пути — коммунизм, воспринимаемый нами, как абсолютное зло. Все силы, способные обернуться против этого прага, способные понять и усомниться, эту цель и пойти к ней, должны быть учтены и приняты, каково бы ни было их прошлое и настоящее. Любая сила, если это есть цена падения большевизма и обретенной национальной России, может быть усвоена и должна быть усвоена. Не восстановление личных положений и имущества, не осуществление заветных программ, а возрождение национально-государственной России, вот исчерпывающее общезначительное содержание национально-эмигрантской идеологии. И отсюда — формула, короткая, но вынужденная, обязательная для каждого убежденного национально-эмигранта: борьба не на жизнь, а на смерть непримиримая и неустанная, с коммунизмом и социализмом, и максимальная осторожность по отношению ко

ОКАЯННЫЕ ДНИ

(Из Одесского дневника 1919 года)

12 Апрель (старого стиля). Уже почти три недели со дня нашей победы. Очень жаль, что ничего не записывал — нужно было записывать чуть не каждый момент. Но было совершенно не в силах. Чего стоить одна умопомрачительная неожиданность того, что случилось на ночь 21 марта! В полдень 21-го Аполта (наша горничная) зовет меня к телефону. «А откуда звонит?» — «Кажется, из редакции» — то есть из редакции «Нашего Слова», которое мы, прежние сотрудники «Русского Слова», собрались в Одессе, начали выпускать 19 марта в полнейшей уверенности на более или менее мирное существование «до возврата в Москву». Иду в столовую, — там неожиданно всею от восточного солнца, — беру трубку: «Что говорить?» — «Кажется, мирное существование «до возврата в Москву»». Иду в столовую, — там неожиданно всею от восточного солнца, — беру трубку: «Что говорить?» — «Кажется, мирное существование «до возврата в Москву»».

Двадцать лет тому назад мы с Виторь приехали из этого дня в Одессу по пути в Палестину. Какие скажешь перемены с тех пор! Мертвые, пустой порт, мертвые, запоздавший город... Наши дѣти, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть, вѣрнее, вчера) жили, которую мы не ценили, не понимали, — всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...

и свобода. Тогда сразу наступило какое-то вступление, острое умопомрачительство. Все орал друг за друга за малейшее противоречие: «И тебя арестуют, сукин сын!» Меня в концѣ марта 17 года чуть не убил солдат на Армянской площади — за то, что я позволял себе некоторую свободу слова, послал къ чорту газету «Социаль-Демократъ», которую называли мѣнь газеткой. Мерзавцы солдат прекрасно помнят, что они могут сделать со мной все, что угодно, совершенно безнаказанно, — вѣдь толпа, окружавшая нас, и газетчик, сразу же окаялись на его сторону: «Вь самомѣ дѣлѣ, товарищи, вы что-же это брезгуете нарочной газетой въ интересах трудящихся масс? Вы, значить, контр-революционеръ!» — Какъ онъ одинаково, вѣдь эти революци! Вотъ, напримеръ, во время «великой» французской революци: историки говорятъ, что сразу же была создана цѣлая бездна новых административныхъ учрежденій, хмурилъ цѣлый потокъ декретовъ, циркуляровъ, число комиссаровъ, — несравненно почему-то классаровъ, — и вообще всеческихъ вещей стало несметно, комитеты, совѣты, партіи росли, какъ грибы и вѣ «пожарили другъ друга», образовался советъ изъ новыхъ языковъ, «словами состояли съ изобрѣтѣннѣйшихъ восклицаній въ переизданъ съ самой площадкой бравады по адресу тѣхъ же оставшихъ издающей инициативы...»

Вспоминаю, перечитывая все это, просто трепещу отъ изумления: да что-же это значитъ, что наша (тоже «великая») такъ просто конгретъ съ такой аляповатой инвентаризуеку! Все, вѣроятно, потому прежде всего, что

одна изъ самыхъ отличительныхъ чертъ революци — общенная жажда игры, лихорадочна, масокъ, позв, подмогловъ, багатага со всѣмъ его крикомъ и гамомъ. Въ человѣкѣ просыпаются обезьяна... Ахъ, эти сны про смерть. Какое вообще громадное мѣсто занимаетъ смерть, мысль о ней, страхъ передъ ней въ нашемъ и безъ того крохотномъ существованіи! А про эти годы и говорить нечего: день и ночь жавемъ среди орги смерти. И все во имя «свѣтлаго будущаго», которое, будто бы, не только можетъ, но и должно родиться изъ этого адаго мрака. И образовался на землѣ ужасный несметный легионъ спеціалистовъ, подражиковъ во употребленіи человѣческаго благополучія, которые день и ночь добитъ объ этомъ събитомъ будущемъ, спекулируя на немъ или просто дурача себя и другихъ. «А въ самомъ-же именно году наступитъ оно, это будущее?» — какъ спрашиваетъ эвонери у Ибсема. Всегда говорятъ, что вотъ-вотъ: «это будетъ послѣдній и рѣшительный бой!» — Вѣчная сказка про краснаго быка.

Ночью лиль дождь. День сѣрый, прохладный. Деревцо, зазеленѣвшее у насъ во дворѣ, поблѣднѣло. И вѣсело-какая то окаянность! Главное — сонемъ вѣтъ, уснула жена. Въ самомъ дѣлѣ, на что она черны? А все-таки, если бы Богъ далъ мнѣ хоть немного быть свободнѣе, тѣмъ же, быть въ состояніи что-нибудь дѣлать! Эти два года — сплошная пошлость моя, сплошная мука, боль, ярость, отчаяніе... Все слухи и слухи. Жизнь въ непрекращающемся ожиданіи (какъ и вся прошлая

жизнь здѣсь, въ Одессѣ, и незапрошная въ Москвѣ, когда всѣ такъ ждали немцевъ, спасения отъ нихъ). И это ожиданіе чего то, что вотъ-вотъ придетъ и все разрѣшитъ, сплошное и неизменно-напряженное, конечно, не пройдетъ намъ даромъ, такъ или иначе, навѣститъ наши души, если даже мы и выспавемъ. А за всѣмъ тѣмъ, что-же было-бы, если бы не было даже ожиданія, то есть надежды?

«Боже мой, Боже мой, въ какой вѣкъ повѣтъ Ты родишь мнѣ!»

13 Апрель. Вчера долго сидѣть у насъ поэтъ Волошинъ. Паралелъ онъ съ предложениемъ своихъ услугъ («во украинскому городу къ первому мая») ужасно. Я его предупредилъ: не обѣтайте къ намъ, что не только никакъ, но и глупо, они вѣдь отлично знаютъ, кто вы были еще вчера. Несъ вѣ отъвѣтъ ченуку: «искусство вѣи времени, вѣи политики, я буду участвовать въ украинши только, какъ поэтъ и какъ художникъ...» Въ украинши чѣмъ? Вяслица, да еще и собственной? Все-таки поблѣднѣла. А на другой день въ «Извѣстіяхъ»: «Къ намъ дѣла Волошинъ, всякая сволочь сплѣтуть теперь прижизнелъ къ намъ...»

Теперь Волошинъ хочетъ писать «инвено» поное благодарнаго негодования. Еще глупѣе.

Слухи и слухи. Петербургъ вальтъ филинами. Колчакъ вальтъ Свѣриши, Парижъ... Пшденбургъ идетъ не то на Одессу, не то на Москву... Все-то мы ждемъ помощи отъ кого-нибудь, отъ чего-нибудь, отъ чуда, отъ природы! Вотъ теперь ходимъ ежедневно на Николаевскій бульваръ: не ушелъ-ли, избавь Богъ, фран-

цузскій броненосецъ, который манячь на рейдъ и при которомъ все-таки какъ будто не лето.

15 Апрель. Десять мѣсяцевъ тому назадъ ко мнѣ приходилъ на рѣдкость парижский и оборванный человѣчекъ, ибѣто родѣ самаго плохонякого коммуноидера и предлагалъ мнѣ быть моимъ импресарио, вѣсть съ шмъ въ Николаевѣ, въ Харьковѣ, въ Херсонѣ, гдѣ я буду публично читать свои произведенія. «Кажный вечеръ за тысячу дукимъ». Ниначе я его встрѣтилъ на улицѣ; онъ уже персона, одинъ изъ сотарищѣй этого сумасшедшаго мерзавца профессора Щепкина, отъ теперь комиссаръ по театальному дѣлу и уже чистю выбранны, съвѣ; — по мордѣ видно что съвѣ; — и одѣтъ въ чудеснѣе англійское пальто, толстое и лѣвное, съ широкими хлястикомъ сады.

Противъ нашихъ оконъ стоятъ босаякъ съ вытковой на веревкѣ черезъ плечо, — «красный визионеръ». И въ улица трепещетъ его такъ, какъ не трепетала — блъ ардежѣ при видѣ тѣхъ-же горюдыхъ или даже палачей. И вообще, что-же это такое случилось? Пришло человѣкъ шестистотъ летъ называемыхъ «тригорющихъ», вриновѣщихъ ризныхъ мальчишекъ, а во главѣ ихъ кучка каторжанковъ и дураковъ — и вальтъ въ пологъ миллионный, бодѣтѣйный во всѣмъ смыслахъ горюкъ! Вѣи по мертвымъ отъ страха, вѣи покорялись и прижигались. Гдѣ, напримеръ, вѣи гдѣ, помощю отъ кого-нибудь, отъ чего-нибудь, отъ чуда, отъ природы! Вотъ теперь ходимъ ежедневно на Николаевскій бульваръ: не ушелъ-ли, избавь Богъ, фран-

цузскій броненосецъ, который манячь на рейдъ и при которомъ все-таки какъ будто не лето.

15 Апрель. Десять мѣсяцевъ тому назадъ ко мнѣ приходилъ на рѣдкость парижский и оборванный человѣчекъ, ибѣто родѣ самаго плохонякого коммуноидера и предлагалъ мнѣ быть моимъ импресарио, вѣсть съ шмъ въ Николаевѣ, въ Харьковѣ, въ Херсонѣ, гдѣ я буду публично читать свои произведенія. «Кажный вечеръ за тысячу дукимъ». Ниначе я его встрѣтилъ на улицѣ; онъ уже персона, одинъ изъ сотарищѣй этого сумасшедшаго мерзавца профессора Щепкина, отъ теперь комиссаръ по театальному дѣлу и уже чистю выбранны, съвѣ; — по мордѣ видно что съвѣ; — и одѣтъ въ чудеснѣе англійское пальто, толстое и лѣвное, съ широкими хлястикомъ сады.

Противъ нашихъ оконъ стоятъ босаякъ съ вытковой на веревкѣ черезъ плечо, — «красный визионеръ». И въ улица трепещетъ его такъ, какъ не трепетала — блъ ардежѣ при видѣ тѣхъ-же горюдыхъ или даже палачей. И вообще, что-же это такое случилось? Пришло человѣкъ шестистотъ летъ называемыхъ «тригорющихъ», вриновѣщихъ ризныхъ мальчишекъ, а во главѣ ихъ кучка каторжанковъ и дураковъ — и вальтъ въ пологъ миллионный, бодѣтѣйный во всѣмъ смыслахъ горюкъ! Вѣи по мертвымъ отъ страха, вѣи покорялись и прижигались. Гдѣ, напримеръ, вѣи гдѣ, помощю отъ кого-нибудь, отъ чего-нибудь, отъ чуда, отъ природы! Вотъ теперь ходимъ ежедневно на Николаевскій бульваръ: не ушелъ-ли, избавь Богъ, фран-

Мв. Буинтъ (Продолженіе слѣдуетъ)